

Мария
Некрасова

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ



32

Дом мертвеца
Ведьма со второго этажа
Банка с привидениями
Чертова миссия

Мария Некрасова
Ведьма со второго этажа

«ЭКСМО»

2011

Некрасова М. Е.

Ведьма со второго этажа / М. Е. Некрасова — «Эксмо», 2011

Вера жалела себя. Каждый год тысячи молодых ведьм получают дар от умирающих наставниц. Получают силу. Могущество. И начинают работать. Только у нее ничего не выходит! Ведь соседский мальчишка в самый неподходящий момент врубил музыку – и она сумела взять только половину бабушкиного дара. Но ничего! Вера уже знает, что делать. Пацана нужно поймать – и провести над ним ритуал. Мальчишка, конечно, умрет, зато Вера станет настоящей ведьмой!

© Некрасова М. Е., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мария Некрасова

Ведьма со второго этажа

Глава I

Плохие новости

Старуха опять перепутала склянки, вот и пошел снег. Последний год она совсем сдала: стала заговариваться, сыпать приворотами направо и налево и даже устроила маленькую войну в одной из бывших республик. Она забывала имена, даты, слова заговоров, а когда Вера пыталась ее поправить, настаивала на своем. Эти старики такие упрямые! Вчера, например, ей взбрело в голову подправить погоду в городе. Старуха перепутала и город, и континент, да и погоду сделала паршивую. Вера пыталась ей объяснить, но куда там! Наоборот, из вредности, чтобы показать, кто здесь главная ведьма, старуха решила еще добавить дождичка... И опять перепутала и город, и континент... И склянки, вот и пошел снег.

Вера сидела на подоконнике и смотрела на осенние листья, припорошенные снегом. Ничего так, даже красиво. Успокаивает. Могло быть и похуже, учитывая то, что старуха в дурном настроении все последние дни, чувствует, что силы уже не те! И вредничает, показывает власть. Вере сегодня влетело за разбитую склянку. Их в доме тысячи штук, и каждый день что-нибудь бьется. Вера нечаянно смахнула в огонь «шерсть № 7». Этой шерсти полный дом, хоть носки вяжи, а старуха устроила истерику. «Ты, – кричит, – меня по миру пустишь!», заставила ехать за новой, хотя запасов еще полно... Вера вспомнила свое путешествие за шерстью № 7 и поежилась. Номер семь – это мыши-полевки. В такую погоду пришлось ехать в Подмосковье, расставлять силки, да еще стричь!..

Старуха совсем потеряла стыд, Веру это раздражало, но сердиться по-настоящему она не могла. Так не могут сердить стареющие родители или учителя, которые научили тебя всему, что ты знаешь, да так старались, что сами все позабыли. И еще они часто говорят: «Вот помру...» Вера старалась относиться к смерти спокойно, как положено ведьме, и, конечно, хотела когда-нибудь заполучить старухину силу, а все-таки побаивалась оставаться одна. Совсем одна в этой квартире, набитой склянками, книгами, в этом городе, набитом людьми и нерешенными вопросами, которые ей, Вере, и предстоит когда-нибудь решать. Какую назавтра делать погоду, помиришь ли этих в правительстве или лучше поссорить тех из дома напротив, выполнен ли месячный план по автомобильным авариям... И ведь никто не подскажет, когда старухи не будет! Никто не одернет, не предупредит. Решай сама. Сама ошибайся, сама исправляй. Лет через триста возьмешь ученицу, чтобы, когда ты сама начнешь чудить и путать склянки, было кому передать силу...

– Верочка, где у нас белладонна? Я не могу уснуть. – Ведьма вошла тихо, не шаркая, как обычные старухи, и Вера подумала, что, может быть, она рано забоялась? Вон какая крепкая у нее наставница: осанка, походка... Яд вон на ночь пьет вместо снотворного...

– Сейчас, Настасья Фроловна... – Вера засуетилась у стеллажей со склянками. Эту чертову белладонну старуха искала каждый вечер и каждый вечер прятала на новое место, чтобы завтра уж точно не забыть, куда положила. И, конечно, забывала. – Сейчас...

– Ты погляди, что творится! – Старуха отобрала стул, на который Вера только нацелилась встать, чтобы порыться на верхних полках стеллажа. Села. – Погляди, снег!.. Осенью!

Вера лихорадочно искала белладонну и только кивнула в ответ. Найти настойку было важно, важнее всякого снега, выпадет он хоть в Африке. От бессонницы старуха становилась невыносимой. Она болталась по дому, роняя табуретки и склянки, ворчала что-то о политике

и даже сыпала проклятиями, что ведьме вообще-то не к лицу, как не к лицу солдату открывать стрельбу только оттого, что он в дурном настроении.

Вера перебирала пузырьки, пакетики, склянки. В таких случаях время ее исчислялось не минутами или секундами, а стеллажами и метрами. Вот Вера только обыскала самый большой стеллаж у окна, значит, сейчас старуха скажет:

– Что ты копаешься? – И уставится себе под ноги. Она помолчит еще два маленьких стеллажа и тумбочку и, если белладонна не найдется там, начнет ворчать: – Вечно ты все от меня прячешь! Небось думаешь: «Старуха совсем из ума выжила, как бы не учудила чего?»

На этом месте Вере полагалось искренне удивиться, воскликнуть:

– Что вы, Настасья Фроловна! – всплеснуть руками, добавить: – Вы любой молодой фору дадите, – и быстро, пока старуха не успела возразить, уйти в другую комнату.

Другая комната была поменьше, и время там бежало быстрее. Вера едва успевала оглядеть маленький столик у окна да открыть тумбочку, как старуха возникла на пороге и продолжала нагнетать обстановку.

– Все у тебя не на месте! Как же ты без меня будешь?! Береги старуху, одна небось не справишься!

На этом месте было уже бессмысленно и отвечать, и отмалчиваться. Скандал уже начался, и остановить его могла только своевременно поданная кружка белладонны. Вера начинала метаться по комнате в поисках злополучной склянки, но время, как мы помним, исчислялось не секундами, а стеллажами, и к концу первого, за секунду его обыскали или за минуту, старуха выходила из себя:

– Прекрати копаться! Встань! Отвечай, я с тобой разговариваю!

Что конкретно хотела услышать старуха (вроде ничего и не спрашивала), Вера и не пыталась понять. Отвечать можно было что угодно от «Заглохни, старая!» до таблицы дозировки мышинных хвостов для зелий группы В. Старуха реагировала всегда одинаково: она с размаху плюхалась в кресло, выкрикивала: «За что мне это?!» – куда-то в сторону окна и замирала, закрыв лицо руками. У Веры оставался еще один стеллаж и полстолика до того, как старуха станет невыносимой: начнет бродить по дому, выкрикивать проклятья... После этого, даже если белладонна отыщется, Вера должна будет еще побегать с ней по комнатам, уговаривая ведьму принять снотворное.

В этот раз обошлось: злополучная склянка нашлась прямо на полу, аккуратно между столиком и стеллажом. Вера поспешно плеснула из нее в кружку и протянула старухе:

– Вот, Настасья Фроловна!

– Наконец-то!

Пока ведьма пила (что совсем не мешало ей ворчать), Вера быстро разобрала постель и включила вечерние новости. Старенький телевизор в доме ведьм почитался как член семьи: старуха жить не могла без новостей и сериалов. Правда, последний год она стала путать одно с другим: то просила Веру сделать отворот Альберту или состряпать лекарство Синтии, то, наоборот, со смехом рассказывала, какая сегодня была чудная серия, с народными волнениями, перестрелкой и президентом. Вера не спорила: лишь бы ее наставнице не пришлось в голову самой стряпать для Синтии лекарство. Тогда неизвестно, чем бы это могло кончиться, взрывом или чем похуже: старуха ведь не только все путает, но и плохо видит.

Диктор на экране вещал что-то про Африку. Старуха заинтересованно оторвалась от кружки. Вера, улучив момент, подхватила ведьму под руку и пересадила на кровать. Кружка в руках старухи была почти пустой – отлично! Значит, прогноз погоды Вера будет смотреть уже в одиночестве, старуха к тому времени уснет. Вере нравились и новости, и прогноз погоды, как людям нравятся сказки. Она устроилась рядом в кресле, исподтишка поглядывая на свою наставницу: у той была привычка засыпать с недопитой кружкой в руках и выпускать ее во сне,

выливая на себя остатки снотворного. Старуха уже клевала носом. Вера забрала кружку и, не глядя, поставила на пол.

Новости были так себе: банальный сюжет, открытый финал. Ни хеппи-энда, ни трагедии в конце, а так – много глупостей о том, кто виноват и что ему теперь будет. Вера любила красивые новости: чтобы про войну, а в конце обязательно все помирились. Или про катастрофу, но чтобы в конце обязательно все спаслись, а лучше – спасли друг друга, а самый храбрый чтобы погиб, иначе неинтересно. Ей не нравилось, когда люди в новостях умирали просто так, праздно и бессмысленно, собрав напоследок родственников с венками и оркестром. Смерть, раз уж ее показывают по телевизору, должна быть красивой, героической или хотя бы оправданной сюжетом, если, например, новости о войне. В отличие от авторов новостей Вера знала, кто наслал голод на Африку и войну на Гондурас (почему старуха? У них там свои ведьмы есть), знала, для чего и чем это кончится. Новости забавляли ее, как художественная интерпретация давно знакомых событий.

– Смотрите, Настасья Фроловна, опять все переврали... – Она проговорила это, не глядя на старуху, желая не столько начать разговор, сколько проверить, спит ли та или еще нет.

Кажется, спит. Старуха заворочалась, пробубнила что-то невнятное, потом четко проговорила:

– Кружку дай! – И затихла.

Вера глянула на нее: старуха лежала, уставившись в потолок и тихо шевелила губами:

– Кружку...

– Вам плохо, Настасья Фроловна? – Вера вскочила, схватила с пола кружку, та опрокинулась, вылив на ковер остатки белладонны.

– Кружку!

– Сейчас... Ой, воды-то нет! Сейчас налью, я мигом!..

– Давай пустую, глупая!

– Вы уверены? – проговорила Вера упавшим голосом, уже протягивая старухе пустую кружку. Та вцепилась в нее, еще больше побледнев, и, не отводя глаз от потолка, тихо зашевелила губами.

Вера не разбирала слов, да и не надо ей было: она знала их наизусть. Когда старуха закончила бормотать, то с достоинством протянула Вере кружку обратно:

– Пользуйся. Зря не трать. Помни праздничные дни...

Нет, старая ведьма не потеряла рассудок. Вручая молодой треснутую кружку, как богатое наследство, она действительно передавала Вере по наследству то, что ей причиталось. Так уж повелось, что, умирая, старая ведьма передает свою силу ученице, и только тогда та становится настоящей ведьмой. Вера, чьей собственной силы не хватало даже на то, чтобы наловить полевок на шерсть № 7 без силков, давно ждала этого дня. Хотя не думала, что это произойдет так скоро.

Вера осторожно взялась за кружку и почувствовала, как та завибрировала в руках. Пальцы укололи тысячи мелких иголочек. Сильная ведьма старуха! Жаль, предмет под рукой оказался дурацкий – кружка. Не выскользнула бы! У Веры тряслась рука. Старуха со своей стороны тоже не отпускала кружку, отдавая потихоньку то, что копила сотни лет. Старенькая кружка блестела в руках, как электрическая, вибрировала, но держалась. Вера пальцами чувствовала, как потихоньку, по капельке приходит к ней ведьмина сила. В такие моменты понимаешь, что все было не зря. Ночная зубрежка заговоров (к утру спрошу всю книгу наизусть), стрижка полевок, старухины капризы – все не зря. Все – ради этой минуты.

Кружка искрила, переливалась и ходила ходуном в руках. Вера держала ее за ручку двумя пальцами, и держала крепко, боясь упустить хоть каплю того, ради чего жила все эти годы. И тут случилось страшное.

Где-то под потолком рявкнула музыка: барабаны, басы, духовые рубанули одним метким ударом. Старенькая ведьма вздрогнула, отпустила кружку, Вера инстинктивно сжала пальцы щипком, и ручка выскользнула. В грохоте музыки никто не услышал звона. Осколки на полу блеснули напоследок и вернули свой первоначальный цвет, цвет старой фарфоровой кружки. Старуха запоздало ахнула, да так и замерла навсегда с открытым ртом, неподвижно уставившись на осколки.

Глава II

Когда у ведьмы горе

– Вовка! Нельзя ж так пугать!

– Двенадцатый час! Ты, брат, страх потерял?!

– Прости, мам, я нечаянно. – Рыжий поспешно убавил звук в колонках и воткнул в гнездо проводок от наушников. Вечно он выскакивает и вечно не вовремя! И вечно эти окошки с баннерами открываются тут и там, когда не просят, да еще и с музыкой! Выслушивай теперь от Лехи! Мать уже забыла, что там рывкнуло секунду назад, а вот братец не упустит случая дать по шее, чтобы показать, кто тут старший. И ведь спорим, когда рывкнула музыка, он не спал, не занимался, а балдел за таким же компьютером в таких же наушниках, только в соседней комнате?! Получается, Вовка ему даже не помешал. Но агрессору нужен только повод. Поэтому сейчас откроется дверь...

– Вовка, с ума сошел?! Ночь, спят соседи и медведи, а ты?!

Оправдываться было бесполезно, молчать – опасно, переходить в контрнаступление...

– Ой, а у тебя баннеры с музыкой не выскакивают! Твой компьютер святой, как и ты сам!

– Вякни еще у меня! – сказал брат почти миролюбиво. Рыжий даже понадеялся, что сегодня обойдется без подзатыльников. Он сказал страшную правду: старший брат вечно врубал колонки на полную мощность, а про наушники забывал. Весь дом был в курсе, что Леха сидит за компьютером. Кто он после этого, чтобы наезжать на Вовку?!

– Уже поздно, вырубай машину! – Лехе вздумалось показать власть, и любые аргументы здесь были недействительны. Рыжий вздохнул, подумал, что за независимость надо бороться, и отважно буркнул:

– Тебя забыл спросить...

– Что?! – Братец уже замахнулся для первого вечернего подзатыльника, но Вовку спасла неожиданная в двенадцатом часу вещь: в дверь позвонили.

– Леша! – Из коридора заглянула мать. – В такое время – только к тебе.

– Я еще с тобой разберусь! – пригрозил братец и пошел открывать.

Рыжий демонстративно уставился в монитор. На весь экран расплзся дурацкий баннер с музыкой, но это было неважно. Глядя на баннер с умным видом, Вовка старательно прислушивался, что творится в прихожей, кто там к Лехе пришел? Наблюдение за старшим братом могло дать неплохие плоды. Например, неделю назад он узнал о братце нечто, что маме бы совсем не понравилось. Леха боялся трогать Вовку дня три, до тех пор пока мать не узнала Лехину тайну из своих источников...

– Вовка, к тебе! – раздалось из прихожей.

Рыжий даже не сразу понял, что зовут его. Посидел несколько секунд, уставившись в монитор, пока опять не позвали:

– Вовка, ну ты где?!

Странно, кто бы мог навестить Рыжего в двенадцатом часу? Колюха бы позвонил, даже если что-то срочное, а остальные... Может быть, Вовка что-то натворил, и жертва пришла к родителям разбираться? Несколько шагов до прихожей Вовка перебирал в уме все свои подвиги за последнюю неделю. Самой страшной и самой правдоподобной версией оказалась математичка Наталья Леонидовна, которая на днях отчитывала его за болтовню на уроке. Но из-за таких пустяков учителя не ходят по домам, да еще так поздно! Прочие версии были еще глупее.

В коридоре Рыжий столкнулся с Лехой, поймал на себе странный, непривычный взгляд: казалось, братец посмотрел на него с уважением. Посмотрел, буркнул: «Иди встречай» – и

скрылся в своей комнате. Тоже странно. Обычно Леха не упускает случая покрутиться рядом, не столько послушать чужие секреты, сколько подразнить брата: «Попробуй, выгони меня!»

На пороге стояла девчонка. Класа из десятого, может, и старше. Где-то ее Вовка видел, скорее всего, в школе.

– Здрасьте...

– Здравствуй! – Голос ее не обещал приятного диалога. Интересно, чем Рыжий сумел насолить девчонке из старших классов?

– Вы... Ты...

– Я ваша соседка, – отрубил девчонка, и все стало понятно и неинтересно. Значит, ей тоже помешал шум включенных колонок. Сейчас поругается и уйдет. Чтобы поскорее закончить неудобный разговор, Рыжий начал оправдываться:

– Эти музыкальные баннеры вечно выскакивают не вовремя. Я даже не видел, что у меня колонки включены, вы уж меня простите. Больше этого не повторится. – Проговорив это все скороговоркой, Вовка уставился на соседку с таким искренним сожалением, что сам бы на ее месте давно устыдился и ушел в ночь.

– Я понимаю... – кивнула она и решительно шагнула в сторону Вовки:

– Можно войти?

Рыжий отступил, когда девчонка была уже в прихожей у него за спиной. Она прошла на кухню, не дожидаясь, пока пригласят, и уселась на подоконник. Задетый локтем цветочный горшок опасно накренился, но устоял.

– Чаю не надо, – заявила девчонка, как будто Вовка предлагал.

Она уставилась за окно и водила пальцем по стеклу, то и дело задевая локтем все тот же цветочный горшок. Интересно, ее учили, что воспитанные люди сидят на стульях? Рыжий стоял в дверях кухни, наблюдал за манипуляциями соседки и горшка: разобьет – не разобьет? Мать и Леха деликатно притихли в своих комнатах и на кухню не выходили. Жаль, мать быстро навела бы порядок. Никаким девчонкам, пусть даже старшеклассницам, не позволено сидеть на подоконниках и задевать ее цветы.

И молчать! Вот чего эта соседка, спрашивается, хочет? Чего пришла, если чаю не надо? Судя по лицу в отражении оконного стекла, она хочет кого-нибудь убить. Может быть, даже и Вовка ей подойдет. Но он же извинился, что еще надо?! Чего она тут сидит и дуется? Может, у нее что-то случилось? У Лехи Рыжий видел такое лицо, когда того выгнали из института. У матери не видел вообще. Тогда он спросил наобум:

– Тебя из школы выгнали?

– Меня зовут Вера, – ответила соседка, окончательно сбив Рыжего с толку. – А ты Вовка Рыжий, я знаю.

Вовка Рыжий отодвинул табуретку, сел и подумал, что девчонка, наверное, не в себе, и надо ее поскорее выпроваживать, пока мать не заметила, какие у него гости. А то зайдет сейчас, увидит, как эта Вера сидит на подоконнике и отвечает невпопад, слушай потом лекцию о вреде наркотиков. Рыжий попробовал исподтишка заглянуть Вере в зрачки, но та сидела отвернувшись, а в отражении в оконном стекле было не видно. Надо выпроваживать. А как? Спрашивать в лоб: «Зачем пришла?» – наверное, грубо, но очень хочется. Помаявшись, Вовка придумал формулировку:

– Что случилось, Вера?

– У меня бабушка умерла. Только что. – Сказала, как по башке врезала. Пришла тут, уселась на подоконник и на: «Меня зовут Вера, у меня только что умерла бабушка» – и делай с этим, Вовка, что хочешь! Ну хотя бы не наркоманка и не безумная. Имеет право человек, у которого умерла бабушка, немного посидеть на подоконнике? И не странно, что она пришла к соседям, может, больше рядом никого нет...

– Сочувствую. – А что еще было отвечать?! В самом деле, не предлагать же чаю?! Рыжий встал, шагнул к Вере, но она жестом дала понять, что подходить не нужно. Он растерялся. Он понятия не имел, как вести себя в таких случаях. Наверное, все же нельзя молчать.

– Родители как?

– Еще не знают.

– А дед?

– Я его даже не помню.

– Так ты что же с ней... Одна?

Вера кивнула, и Вовке стало не по себе. Честно говоря, он бы предпочел, чтобы соседская бабушка умерла где-нибудь в другом месте и в другое время. И что, в конце концов, требуется от него?

– погоди, я мать позову...

– Не надо! – Вера вскочила, как будто испугалась, и зашептала: – Мне нужна твоя помощь. Тебя отпустят ко мне прямо сейчас?

Она смотрела так, что ни отказываться, ни расспрашивать было нельзя. Мало ли какая помощь может понадобиться человеку? А ведь она пришла к нему, Вовке Рыжему. Ни к Лехе, ни к матери, ни к какому-нибудь своему знакомому, а к нему. Как он может подвести? Как он может расспрашивать вместо того, чтобы мчаться на помощь? К тому же Вовку здорово задело это: «Тебя отпустят?» Да что он, маленький, что ли?!

– Легко! – Рыжий встал, небрежно кивнул Вере на дверь и вышел первым. Уже из прихожей он крикнул в сторону комнат:

– Я провожу, мам! – И быстро выскочил на лестницу, чуть не забыв выпустить Веру.

Когда дверь захлопнулась, до Вовки дошло, куда его позвали. Домой, где только что умерла бабушка, и наверняка она еще там. И думать-то об этом было неудобно, а как идти?

– Твоя бабушка, она еще там?

– Ну да, – ответила Вера неожиданно бодро. Куда-то делась ее скорбная задумчивость, едва закрылась дверь Вовкиной квартиры. – Надо врачей дожидаться, я одна боюсь.

– Давай Леху возьмем до кучи, чтоб тебе совсем не страшно было?

Вера как будто растерялась на секунду и, не отвечая, рванула вниз по лестнице:

– Пошли скорее, а то врача пропустим! – Она подтолкнула Вовку, и он без разговоров сбежал на второй этаж. Вера догнала, толкнула незапертую дверь, втощила Рыжего в прихожую, как будто они от кого-то убегали.

– Все... – чуть слышно проговорила она, щелкая замком. Может, Вовке и послышалось, но все равно стало как-то неудобно. Наверное, это из-за бабушки. На Веру он почти не смотрел, все больше по сторонам, гадая, в какой из двух комнат бабушка и куда лучше не ходить. По ноздрям ездил кислотоватый запах старушечьей квартиры, он действовал на нервы. Вера стояла за спиной тихо, как будто играла в жмурки. В комнате болтал телевизор, на кухне капала вода. Цветочки на обоях засалились, подстерлись и напоминали теперь то ли яйца, то ли космические корабли.

– Проходи в комнату. – Вера показала на ту, откуда несло бормотание телевизора.

Рыжий вошел, и к запаху старушечьей квартиры добавился горький запах лекарств или трав. Те же засаленные обои. На подоконнике стопка книг и недопитая чашка. Новости по телику. Цветастый ковер, какие бывают только в квартирах у бабушек.

– У нас не прибрано... – Вера вошла следом.

Рыжий оглянулся на голос, увидел, что чуть не наступил в кучку осколков на полу и заодно где лежали эти осколки. Не веря в реальность происходящего, он медленно поднимал взгляд от ножек железной кровати до распахнутых глаз мертвой старухи.

Он не вскрикнул и даже не отскочил. Старуха смотрела прямо перед собой, и Рыжий, как прикованный, тоже не отводил взгляд от стеклянных неживых глаз.

– Это твоя бабушка? – зачем-то спросил он.

Вера не отвечала. Она стояла у стеллажей и звенела какой-то посудой, так ровно и мирно, как будто сейчас предложит чаю попить, прямо здесь, рядом с телом. «А ну и что! – думал Вовка с вызовом. – Вера ведь сказала, что у нее умерла бабушка. Иногда бабушки умирают, оставляя родственников дожидаться врача. Я же знал, куда шел!»

– Может, пойдем в другую комнату? – как можно безразличнее спросил он, отведя, наконец, глаза от мертвой старухи.

– Сейчас пойдем!.. – В голосе Веры слышалась какая-то шутливая угроза. – Не наступи на осколки.

– Угу. – Вовка шагнул назад. – Я уберу. Где у вас веник?

– Уберешь, – странно повторила Вера и громко звякнула какой-то посудиной.

В комнате тут же погас свет и глухо захлопнулась дверь. На тумбочке у старухиной кровати сама собой зажглась маленькая свеча-таблетка, щедро осветив лицо старухи и осколки на полу.

– Что?..

– Не дергайся, – оборвала Вера. – Если ты не будешь мешать, все кончится очень быстро.

Вовка, наконец, обернулся. Вера стояла посреди комнаты в окружении горящих свечей, как всякие колдуньи в кино. В руках она держала... В общем, когда-то этот нож и был столовым, но его заточили с обеих сторон, оплели ручку так, что вышел вполне приличный боевой. У ног Веры стоял пустой стул, явно предназначенный Рыжему.

– Ты? Ты что?!

– Сказала, не дергайся! Иди сюда. – Она так раздраженно это проговорила, как будто Рыжий помешал ей делать уроки. Вот ненормальная! Неужели и правда убить хочет? С чего? Помешалась от горя при виде умершей бабушки?

– Спокойно! – Вовка попятился к двери. – От того, что ты меня зарежешь, твоя бабушка не вернется. Дай-ка сюда ножик. – Он протянул руку к Вере, продолжая пятиться. Может, и глупо, но не глупее, чем подходить близко к этой ненормальной. Откуда она вообще взялась?

Старушку, которая на кровати, Вовка помнил. Она жила здесь всегда, и когда Вовка был маленьким, и даже когда Леха. Однажды под настроение братец рассказал, как выбил старухе окно мячом, и та за ним гонялась по двору с пучком крапивы. Была старуха. А вот Вера (Рыжий вспомнил только теперь, где ее видел) появилась недавно, может быть, три или четыре года назад. Все поначалу думали, что бабулька сдает ей комнату. То, что Вера якобы внучка, Вовка услышал только что. Хороша внучка! Ненормальная. Может, и бабушку она – того?..

Вера криво улыбнулась, как улыбаются глупой шутке, и молча кивнула на стул. Рыжий, наконец, нащупал дверную ручку, дернул раз, другой... Заперто? Там же нет замка? Забыв о всякой бдительности, он повернулся к Вере спиной и стал изучать проклятую дверную ручку. Старенькая, допотопная, без защелок, потайных замков и прочих наворотов. У них дома были такие, давно, когда мать еще не сменила двери. А эта дверь все равно не поддавалась.

– Ты прекратишь дергаться или нет?! – Вера уже злилась. – У меня мало времени, чтобы терять его с тобой. Сел сюда быстро! – Она указала на стул этак нетерпеливо, капризно, как будто речь шла о чем-то будничном.

– Ты что, хочешь меня зарезать?

– Нет, блин, стричь тебя буду! – Она раздраженно помахала ножом, кивнула на табуретку, и Рыжий понял, что угадал.

Страшно было не это. Ну девчонка, ну ненормальная, с ножом, ну зарезать хочет... Страшен был этот раздраженно-нетерпеливый тон, как будто человек делает важное дело, а ему мешают. Делает дело. И не боится наказания, и не сомневается в правильности своего поступка, и не намерен отступить. Делает, как обычно. Как привык. Как делал уже, наверное,

тысячу раз, а тут ему кто-то вздумал помешать. Вот таким тоном Вера говорила «Не дергайся», когда Рыжий удирал от нее кругами по комнате.

Она даже ленилась гоняться за ним! Спокойно ходила туда-сюда, пока Вовка нарезал круги, расставлял на Верином пути стулья и неуклюже пытался заговаривать ей зубы.

– Ну зачем я тебе? Мы даже не знакомы! Мать и Леха видели, что я уйду с тобой, тебя быстро вычислят...

Вера глянула на него как-то странно и шагнула навстречу. А ведь и правда: зачем ей Рыжий?

– Может быть, ты меня разыгрываешь? – Он загородился стулом и притормозил. – Это такой прикол, да?

– Прикол-прикол, – устало кивнула Вера. – Иди сюда. – Она разговаривала с ним как с ребенком, которого правдами или неправдами надо заставить принять лекарство.

– Ну правда, скажи! – Рыжий в очередной раз увернулся от протянутой руки, сбил спиной книги с подоконника и вспомнил, наконец, что здесь всего-то второй этаж!

– Правда-правда, – кивала Вера. – Прикол, глупость, ошибка. Если ты посидишь минутку спокойно, я все исправлю.

Рыжий дергал шпингалет окна, уже заклеенного на зиму:

– Какая ошибка? А я?

– А ты во всем виноват и должен теперь мне помочь.

– В чем?! – Рыжий даже выпустил шпингалет. Прежде ненормальная соседка ни в чем таком его не обвиняла.

Вера сделала выпад в его сторону, но схватила воздух – Вовка успел увернуться. От окна его оттерли, дверь заперта... Спасаясь от Веры, он вспрыгнул на столик, потом на шкаф, как от мыши, не понимая, что там его достать как раз просто.

Соседка подошла и дернула за ногу. Несильно, а так, показать, что кто-то попался. Со шкафа вниз было два пути: на кровать к мертвой старухе и на стул к Вере. Попался!

– Перемирие, – объявила Вера. – Ты имеешь право знать.

Она уселась на стул, предназначенный Рыжему, и даже кинжал свой кухонный положила. Она посмотрела на Вовку как-то по-взрослому и без улыбки сообщила:

– Ты сломал мне жизнь.

– Я?!

– Молчать! Осколки видишь? В них половина моей силы, ведьминой силы. Кружка разбилась, когда бабушка передавала мне... Разбилась из-за твоей музыки... Ведьма с половиной силы – ничто! Только погоду сделать и так по мелочи... Силу нужно вернуть, и поскорее...

Вовка яростно кивал и, не перебивая сумасшедшую, украдкой выковыривал из тапочка кусок ведьминой силы. Значит, соседка считает себя ведьмой? Надо же, как быстро можно сбрендить от горя! Хотя, может, она всегда такой была, Рыжий-то не знает...

– ...Чтобы вернуть силу, я должна тебя убить. Вроде как жертву принести, понимаешь? Кровь невинного – беда, виноватого – вода, неужели в школе не проходили? – закончила Вера и вопросительно посмотрела на Вовку. Наверное, ждала, что он сам спустится и подставит шею.

Было уже не страшно, а так. Жалко девчонку, красивая, хоть и дура. Вовка оценил расстояние до пола: сумел забраться, значит, и спрыгнет легко, и начал заговаривать зубы:

– А чего ты с половинкой-то не можешь? С целой силой небось может каждый дурак!

– Не зли меня! – Вовке показалось, что шкаф колыхнулся, когда Вера шагнула к нему. Как будто хотел сам сбросить седока. – Ты что же думаешь, я зря столько лет училась, чтобы лишать себя половины возможностей? Думаешь, город тебе простит? А если бунт? Или оттепель на Крещение?.. Каждый дурак! Чуть не испортил человеку жизнь, а теперь смеешься?!

Она стояла в полушаге от шкафа с кухонным своим кинжалом, и было ее почему-то жалко: она ведь и правда верила во всю эту ерунду, которую говорит.

* * *

– Может, тебе Леха подойдет? В нем крови-то побольше, а вину – найдем. Его, например, из института выгнали... – Рыжий уже откровенно валял дурака, забалтывая ведьму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.